

Содержание	3
Введение (О.Л. Лейбович, А.В. Чашухин)	5
Валерия Яковлева	
Разрывы и конвенции в школьной среде в начале XX века	17
Михаил Змеев	
Модернизация и медиализация: разрывы и конвенции в практиках аборта в России в начале XX в.	36
Андрей Бушмаков	
Лысьвенские события 1914 года: антимодернизационный взрыв на микроуровне	61
Владислав Шабалин	
«Как и полагалась жизнью района руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.)	88
Александр Чашухин	
Оборотни с указкой: культурные разрывы и конвенции в сталинской школе рубежа 1940-50-х.	105
Анна Кимерлинг	
Разрывы и конвенции поздней сталинской эпохи	125
Ольга Смоляк	
«Абажур», «аборт», «абрикос»: репрезентации советской повседневности в книгах по домоводству	138
Анна Суворова	
Советское искусство как часть модернизационного процесса в СССР середины 1950-х-1970-х годов.	185

УДК 316.7+94.47
ББК 71.1+63.3(2)

В книге рассматриваются культурные проблемы современного российского общества в контексте теории модернизации. Особое внимание уделено культурным основаниям социальных конфликтов в истории и современности. Сочетание исторического, социологического и антропологического подходов позволяет представить новое видение известных событий и ситуаций.

Книга адресована преподавателям, студентам и всем тем, кто интересуется отечественным прошлым и настоящим.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор О.Л. Лейбович
канд. ист. наук, доцент А.В. Чашухин
канд. культурологии, доцент О.А. Смоляк

Рецензенты:

Березина Е.М., к.филос.н., доц.
Кабачков А.Н., к.ист., доц.

ISBN 978-5-91201-084-2

Авторский знак: Раз17

© ФГБОУ ВПО
«Пермский государственный институт искусства и культуры».
Центр культурологических исследований

Наталья Шушкова	
Рабочие и фабриканты в новой России: case study одного завода	236
Ольга Андреева	
Модернизационные разрывы в экономической культуре современной России	253
Константин Титов	
Феодальный контракт как институциональная основа конвенции постсоветской России	272
Юрий Вассерман	
Модернизационный социокультурный континуальный синдром. Опыт конкретного социологического исследования	283
Заключение (О.Л. Лейбович)	302
Сведения об авторах	309

Введение

«Штирлиц выстрелил в Мюллера. Пуля отскочила. «Броневой», - подумал Штирлиц». Идея вызвать смех этим анекдотом у двадцатилетних вряд ли будет удачной. Юмор, как известно, историчен. Объяснения здесь не помогут, ибо анекдот в процессе «перевода» уже утратит свою суть. Не произошло главного - быстрого узнавания идиом и символов эпохи. Дистанция между «homo soveticus» и поколением «пехт» сейчас является очевидной. Читатель, умудренный преподавательским или родительским опытом, без труда может вспомнить случаи «смешного» или «вопиющего» незнания прошлого молодым поколением. Ответственность за невежество детей при этом принято возлагать на школу, телевизор или родителей. Злобный учитель, развратная телеведущая, высокомерный родитель становятся персонажированными виновниками происходящего. Справедливости ради, нужно сказать, что представления «старших» о том, что они разбираются во вкусах и пристрастиях молодежи подчас очень наивны и напоминают суждения героини одного советского фильма: «У нас отличная молодежь! Я каждый день смотрю телевизор, и, поверьте мне, у нас отличная молодежь!».

Культурный разрыв между поколениями не является новым. Найдя отражение в литературе полтора столетия назад, сейчас он выглядит явлением почти вечным. Между тем, в современной России культурный раскол отнюдь не исчерпывается простой и привычной схемой старого и нового, отживающего свой век и современного. Одному из авторов этих строк довелось как-то общаться со студентом-заочником, который искренне считал, что торговля - дело грязное и нечестное, и слово спекуляция ему больше подходит. В качестве главного аргумента он привел неопровержимый тезис: «Горгаши покупают дешевле, а продают дороже». Это суждение не вызвало бы удивления, если бы звучало из уст пенсионера, но ... студент появился на свет в 1974 -м. Советские представления о рынке продолжают жить в голове человека, чья экономически активная жизнь началась в то время, когда социалистический проект стал историей. Самое удивительное здесь то, что подобные противоречия наблюдаются в российском обществе столь часто, что их уже трудно считать нонсенсом. Не так давно американский советолог З.Бжезинский искренне удивлялся, когда узнал от одного из журналистов, что антиамериканизм в большей степени присущ не «детям холодной войны», а молодому поколению

россиян. Следует признать, что культурный раскол в современном российском обществе – явление сложное, не укладывающееся в рамки межпоколенческого конфликта. Более того, оказывается, крайние затруднительно соотносить социальную группу и определенные идеи смысла и ценности, которые соответствуют ее интересам. В среднероссийских бизнесменов можно обнаружить ностальгию по советскому прошлому и стыдливое избегание буржуазной самоидентификации «Бюджетник» может оказаться убежденным демократом-рыночником. Казалось бы, культурные инновации могут замеряться успешностью освоения новых практик, например, использования Интернет. Между тем, достаточно беглого взгляда на блогосферу для того, чтобы убедиться в обратном. Соседство научных суждений с архаичными мифами не удивляло бы, если принадлежало разным людям. Тексты постов одного автора могут содержать экспертную информацию компьютерной технике и размышления об обществе в терминах теории заговора. Все это напоминает причудливое сочетание технически новинок и феодальных отношений в виртуальном пространстве таких киноэпопей как «Звездные войны» или «Дюна».

Изменения в языке при этом являются своеобразным маркером культурных разрывов. Интеракция может разворачиваться по правилам театра абсурда, когда два лица, используя одни и те же слова употребляют их в различных значениях. К сожалению, в последнее время этого не избежал и научный язык, оперирующий терминами, которые при ближайшем рассмотрении оказываются мифологемами. Таково, к примеру, содержание слова «гуманитаризация», используемого для названия ежегодных сборников научных статей в Пермском государственном техническом университете¹.

Авторы этой книги оказались в похожей ситуации воспользовавшись ныне распространенным словом «модернизация». В языке современного россиянина этот термин может применяться и отношению к технике или оборудованию. Все чаще это слово используется и в качестве политического лозунга, наделенного и столько содержания содержательными, сколько магическим

¹ См. Лосева М.А. Мифологические основания современного отечественного образования / Понять образование... Исторические, социологические антропологические очерки современного образования в России. – Пермь: изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2009. С. 120-155.

характеристиками. В этом случае «модернизация» легко меняется на «инновацию» и означает новую редакцию идеи научно-технического прогресса. В официальных речах представителей центральной и региональной власти «модернизация» «жонглируется» попеременно с такими символами последнего времени как «Сколково», «нанотехнологии» или «энергосбережение». Несложно понять, что в тезаурусе многих россиян подобные слова сродни таким советским понятиям как «механизация», «мелиорация» или «ускорение». Насколько их произнесение было важным и правильным с точки зрения лояльности или карьеры, настолько и бессодержательным. Выполняя презентационную функцию, такие лозунги с легкостью приобретают черты мифологем и свойственную им алогичность и амбивалентность.

Авторы этой книги не претендуют на то, что их понимание слова является единственно верным. Они только используют термин в том значении, в котором оно полвека существует в научной традиции. Речь идет о большой теории, нашедшей применение в истории и социологии. Напомним, теория модернизации оформляется на Западе в 50-60-е гг. прошлого века. Свое современное содержание она получает в трудах Т.Парсонса, У.Ростоу, Р.Арона, А.Гершенкрона. Первоначальные фрагменты концепции модернизации касались, прежде всего, социальных конфликтов в обществе, переживающем смену экономических, политических и культурных структур². В сравнительной характеристике этих структур и появились такие идеально-типические модели как «традиционное», «индустриальное» общество. Сложный, многомерный и универсальный процесс перехода от одного типа общества к другому и получил название модернизация. В кратком изложении этот процесс понимается как:

- переход от аграрного натурального хозяйства к рыночной капиталистической экономике, базирующейся на промышленности;
- переход от локальных, преимущественно сельских форм поселений к городскому образу жизни;
- переход от сословной социальной структуры к классовой, от притискиваемых по рождению прав и привилегий к достигаемым

² См. Alexander G.C. 12 Lectures. Sociological Theory Since World War II. -N.Y., 1987. P. 70.

проблема обычно решается построением теоретической модели «среднего уровня». Вероятно, не будет преувеличением сказать, что любой историк или социолог, использующий понятие «модернизации» разрабатывает подобную модель. В зависимости от тематики и авторских предпочтений это может быть модель города, патернализма, культурных инноваций и т.д. и т.п. Эти модели, обычно, органично укладываются в концепцию модернизации, но предназначены для постановки и решения более локальных исследовательских проблем.

Модель, которая легла в основу этой книги получила условное название «культурные разрывы и конвенции». Ее появление – результат продолжительных дискуссий и обсуждений, которые авторский коллектив вел на протяжении нескольких месяцев в рамках ежегодного методологического семинара. Можно сказать, что данная модель базируется на такой базовой категории теории модернизации, как социальный конфликт. Это понятие имеет множество дефиниций. Для разработанной нами модели наиболее близким можно считать определение Р. Дарендорфа, понимающим под социальным конфликтом «веческие структурно порожденные отношения противоречия между нормами и ожиданиями, институциями и группами»⁴. Это достаточно широкая дефиниция, позволяющая сфокусировать внимание на культурной компоненте социального конфликта, иначе говоря, на тех культурных противоречиях, обуславливающих расхождение – вплоть до антагонизма – социальных позиций в определенных ситуациях. Дело не только в противоположности интересов, обусловленных экономическими или политическими условиями бытования социальных групп, но и принципиально разным прочтением ситуации, детерминированным ранее сложившимися структурами языка, ценностными ориентациями, системой норм. Применительно к модернизующемуся обществу это более чем актуально. Историк может обнаружить отдельные проявления подобных конфликтов и культурных разрывов и в традиционном обществе, как правило, имеющих профессиональное измерение. Между тем, именно в эпоху модернизации подобные явления становятся не единичными исключениями из правил, а общей тенденцией. В отличие от «застывшей» архаики или традиции мы имеем дело с обществом, пришедшим в движение, причем по разным азимутам и с разными

⁴ Дарендорф Р. Тропы из утопии, М. 2003. С. 371.

скоростями. Один из анекдотов советской эпохи: Некоторое Радио спрашивают:

– Почему в магазинах нет мяса?

Некоторое Радио отвечает:

– Мы семимильными шагами идем к коммунизму, а скот за нами не поспевает.

Городской фольклор, так же как в более раннюю эпоху деревенская частушка фиксировал возникавшие напряженности – в данном случае на рынке потребления, но не только. В афористичной форме он улавливал содержание противоречий, не замечаемых официальной наукой. И противоречия эти касались, в том числе, и культурных ориентиров.

Расколосась некогда единая для всех картина мира, предметы и практики утратили общий смысл. Попытаемся дать рабочее определение культурному разрыву, не претендуя ни на строгость, ни на завершенность. Культурный разрыв – это рассогласованность представлений индивидов о мире и о смыслах, которыми наполняется практическая деятельность, влекущая за собой взаимное непонимание, подозрения, утрату общего языка и поведенческих норм между социокультурными группами. Культурный разрыв предполагает непредсказуемость социальных реакций на групповом и индивидуальном уровне.

Можно предположить, что существуют ситуации, когда культурные разрывы не сопровождаются социальным конфликтом. Это происходит в том случае, когда имеет место ситуация замыкания в себе, «окукливания» социокультурных групп, препятствующая обмену деятельностью, например, между элитами, с одной стороны, и общественными низами, с другой, или между людьми бизнеса и гуманитарной интеллигенции.

Отсутствие конфликта здесь будет возможно только в том случае, если между группами наблюдается значительная дистанция, маркированная видимой и непроходимой границей. Между тем, для историка, социолога или антрополога культурный разрыв заметен в ситуации социального конфликта. Именно в нем стороны начинают артикулировать и подвергать рефлексии свои убеждения и представления о мире. В этой связи анализ событий становится не

самоцелью. Рассмотрение причин, механизма развертывания и выхода из конфликта становятся важны постольку, поскольку позволяют обнаружить культурные разрывы, точки социального напряжения и противоречий.

Подобное рассмотрение модернизации сквозь призму культуры имеет еще одно преимущество. Культура является тем компонентом, который, обладая универсальными характеристиками, проявляется в деятельности и паттернах конкретных индивидов. Иными словами, через анализ культуры оказывается возможным провести конкретное исследование (социологическое или историческое), не отбрасывая при этом рамочную структуру концепции модернизации.

Обнаружение культурных разрывов не является в данной модели конечной целью исследования. Решение одной проблемы неизбежно ведет к постановке другой. Вслед за классиками социологии, мы вправе задать вопрос: «Как возможно общество?» или «Как возможен социальный порядок?». Вспоминая эти фразы, мы никоим образом не пытаемся реанимировать такое понятие как «система» в ее классическом варианте. Речь в данном случае идет о другом. Как возможно взаимодействие индивидов, оперирующих разными смыслами в своей практической деятельности? Как возможно пусть и конфликтное, но сосуществование людей, ориентирующихся на разные ценности. Очевидно, что это каким-то образом происходит. В противном случае мы бы имели ситуацию близкую к состоянию «*bellum omnium contra omnes*». Для того чтобы обозначить этот особый тип социальных связей нами используется термин «конвенция». Знающий человек с легкостью обнаружит множество предшественников этого понятия в философской и социологической традиции: «общественный договор» Т.Гоббса или Ж.Ж Руссо или «солидарность» Э.Дюркгейма. Между тем, применение понятия «конвенция» не обладает статусом категории, рассматриваемой глобальные общественные процессы. Ее применение «конкретнее», инструментально отвечает решению более локальных проблем. Под конвенцией понимаются слабые ситуативно-предметные социальные связи, возникающие между носителями различных культурных кодов.

Конвенции крайне редко принимают вид правовых норм, далеко не всегда они являются и предметом открытого публичного дискурса. Между тем, конвенции реальны в силу того, что признаются участниками, влияют на организацию практик, способны формировать

паттерны и нормы. Функционально они предлагают индивидам особый тип договора, ослабляющего напряжение конфликта. В поле этого договора могут возникать паттерны, с помощью которых возможно ситуативно-предметное взаимодействие разорванного по культурным основаниям общества. В качестве примера можно привести дискурс российского общества о Великой Отечественной войне. При всем расхождении в оценках прошлого, причинах и способах достижения победы можно обнаружить своеобразную конвенцию «о фронтовиках» и о войне как великой трагедии. В рамках этой конвенции, имеющей форму исторической памяти, оказывается возможным взаимодействие (хотя бы раз в году – 9 мая) людей, исповедующих противоположные политические убеждения, представителей различных поколений и социальных страт.

Применение любой категории не может быть всеобъемлющим. В этой связи, полезно очертить границы применения категории «конвенция». Представляется, что о «конвенции» нельзя говорить в том случае, если индивиды, даже будучи участниками конфликта, обращаются к одной культурной модели и интерпретируют свои поступки на основе единого смыслового поля. Вряд ли к теме конвенций может относиться спор между членами Политбюро 1970-х или решение богословского диспута, стороны которого апеллируют к общему священному первоисточнику. Идею конвенций следует отделять и от модели «рынка», где действуют свободные атомизированные индивиды, заключающие между собой основные на эгоистических потребностях компромиссные соглашения. Использование этой схемы вступило бы в противоречие с нормами, которые способна породить та или иная конвенция. Модель конвенций далека и от редуцированных учебниками идей классической социологии, в «системе» которой ценности «отливаются» в нормы, а последние становятся образцом для организации практик. Очевидно, что в этом случае конвенции становятся вариантом девиации и дисфункции.

Связанные конвенцией индивиды могут по-разному интерпретировать одни и те же символы и социальные факты, но в силу внешних по отношению к ним причин, вынуждены взаимодействовать друг с другом. Таким образом, складывание любой конвенции подразумевает наличие вполне определенной проблемной ситуации. Можно сказать, что этот тип социальной связи возникает в культурно

расколом обществе в условиях возникновения реальной или воображаемой (а значит реальной) проблемы.

Структурно эта книга представлена двумя блоками, один из которых представляет собой ретроспективный взгляд, а другой — анализ современного состояния российского общества. При всем различии сюжетов и авторских предпочтений их объединяет одно — представленные тексты рассматривают модернизационные процессы сквозь призму указанной выше модели культурных разрывов и конвенций.

Первые три главы посвящены возникавшим культурным разрывам и заключаемым конвенциям в российском обществе начала XX века. Валерия Яковлева обращается к теме дореволюционной гимназии. На примере этого института она демонстрирует культурные разрывы в сообществе провинциального города, выявляет рассогласованность официально предписанных норм и сложившихся неформальных практик среди гимназистов и преподавателей. Михаил Змеев во второй главе обращает внимание на проблему медицинской модернизующегося общества. На примере представлений о семье и репродуктивном поведении автор демонстрирует культурные разрывы и представлениях различных социальных групп и обнаруживает негласные конвенции, сложившиеся в профессиональном сообществе врачей по поводу практики абортот. Такая традиционная для отечественной (советской) историографии тема как рабочие волнения приобретает совершенно новое прочтение в тексте Андрея Бушмакова (третья глава). В локальных событиях на одном из заводопреломляются культурные разрывы, вызванные модернизационными процессами. Глубина культурного раскола, отсутствие паттернов индустриальной культуры препятствовало включению конвенции между рабочими и представителями заводской и губернской администрации. Последующие главы посвящены различным периодам советской истории. К послереволюционной эпохе 1920-х обращается четвертой главе Владислав Шабалин. Рассматривая партийно-советскую номенклатуру районного уровня, он обнаруживает существование клановых отношений. Заключаемые на местах конвенции между представителями власти функционируют параллельно и часто вопреки официальному партийным нормам. Тему региональной номенклатуры но уже послевоенного времени продолжает в шестой главе Анна Кимерлинг. За внешней «монолитностью» позднего сталинизма

предстает общество, разорванное по культурным основаниям. В условиях апогея сталинской эпохи автор обнаруживает практики и конвенции, направленные на самосохранение представителей местной власти во время политических кампаний центра. Тот же период затрагивает в пятой главе Александр Чашухин. Обращаясь к теме школьных конфликтов, он обнаруживает противоречия между официальной культурой и образовательными практиками. Монолитный снаружи школьный мир предстает сложным и противоречивым напластованием различного происхождения паттернов. Исторической ретроспекции эпохи «оттепели» и позднесоветского периода посвящены исследования Ольги Смоляк (седьмая глава) и Анны Суворой (восьмая глава). В фокусе исследования Ольги Смоляк находится процесс конструирования повседневности советского человека. Основываясь на широко распространенных книгах о домоводстве, автор выявляет культурные разрывы между городскими и сельскими, индустриальными и традиционными представлениями об организации семейного быта. Сюжеты Анны Суворовой связаны с творческой интеллигенцией. Анализ искусствоведческого, архивного материала и мемуарной литературы выявляет различные аспекты новых культурных разрывов, проявившихся в процессе десталинизации.

Последующие статьи, затрагивая вопросы генезиса культурных разрывов и конвенций, фокусируют основное внимание на современной ситуации в России. Наталья Шушкова в девятой главе, рассматривает социокультурные разрывы в прострстве российского предприятия. Применение исследовательской модели обнаруживает отношения, которые не сводятся к экономической ситуации, а являются следствием динамики социальной системы. Предприятие предстает аренной рассогласованных представлений и практик со стороны рабочих, менеджеров и владельцев завода. Разломом в экономической культуре россиян и сложному формированию индустриальных ценностей посвящен текст Ольги Андреевой (10 глава). Автор рассматривает противоречивые представления и экономические практики, являющиеся собой причудливое сочетание индустриальных и традиционных образов экономического поведения в повседневной жизни и организации бизнеса. Константин Титов в одиннадцатой главе аргументирует продуктивность и эвристичность концепции феодализма для понимания ситуации в современной России. Взаимоотношения власти и бизнеса, организация предпринимательской деятельности

представляют собой явные или скрытые конвенции, заключаемые по схеме феодального контракта. В двенадцатой главе Юрием Вассерманом делается попытка эмпирического измерения уровня модернизации культуры методами конкретного социологического исследования, выделения полярных групп по уровням модернизации культуры и изучения различий социальных и психологических показателей, связанных с выявленной социокультурной дифференциацией.

Олег Лейбович, Александр Чащухин

Валерия Яковлева **Разрывы и конвенции в школьной среде в начале XX века***

Несколько слов о теории модернизации

Повторю всем известную истину – школа есть порождение и один из основных инструментов модернизации. Конечным продуктом модернизационных процессов в сфере образования должно стать появление массовой школы, содержащейся преимущественно на деньги государства и закон о всеобщем обязательном образовании. Любой окончивший школу гражданин должен получить возможность на конкурсной основе поступить в высшее учебное заведение.

В отечественной историографии сложилось следующее представление о школе в начале XX века. В ней неизбежно шли модернизационные процессы – менялся состав учеников, в сторону увеличения числа учеников выходцев из непривилегированных сословий, постепенно увеличивалось число учебных заведений, школьные программы пусть медленно, но изменялись в сторону увеличения практических знаний и навыков. Однако, все эти процессы тормозились общей традиционностью системы школьного образования: отсутствовала преемственность между ступенями образования, дорогим было само обучение ребенка в школе (речь идет не только о плате за право учения, но и о покупке форменной одежды, учебных принадлежностей и т.д.), школьные программы были слишком схоластическими, основной целью их было не сообщение ученику практических знаний и навыков, а освоение дисциплинарных практик. Власть всеми способами сдерживала реформирование системы образования, а передовые общественные силы активно боролись за демократизацию школы. Таков историографический консенсус.

Предметом моего исследования являются средние учебные заведения, т.е. гимназии, реальные училища, духовные семинарии и коммерческие училища – ученики этих учебных заведений после окончания школы имели право поступления в высшие учебные заведения.

* Работа выполнена при поддержке Gerda Henkel Stiftung. Стипендия AZ 14/SR/10.

целям»¹⁶⁹. Такая интерпретация конфликтов, в принципе объясняет относительно мягкие наказания участников склок.

Внутриноменклатурная конвенция, будь она озвучена напрямую, могла бы звучать так: «Вы соблюдаете политическую стабильность в районе, а мы закрываем глаза на ваши отклонения от партийной этики»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Двенадцатый съезд РКП (б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 66.

¹⁷⁰ Наличие конвенции, конечно же, не означало, что местные ответственные могли делать все что угодно. Можно выделить два основных условия, которые они должны были соблюдать: нельзя было совершать уголовных преступлений, и нельзя было допускать, чтобы конфликты и вольности начальства становились достоянием общественности.

Оборотни с указкой: культурные разрывы и конвенции в сталинской школе рубежа 1940-50-х.

Специфика педагогической работы далека от спокойствия. Прodelки учеников, разногласия с администрацией или родителями являются неотъемлемым элементом школьной жизни. Появление в этих условиях персонажа с расшатанными нервами, срывающимся на коллег и учеников не выглядит необычным. Бывшие школьники могут вспоминать бесцеремонность и грубость такого учителя, бывшие коллеги - склоки внутри школьного коллектива. Между тем, природа некоторых конфликтов выходит далеко за пределы ситуаций, естественных для учебного процесса. Участники спора могут обнаруживать принципиально различные системы интерпретации социальной реальности. К примеру, в 1962 г. на страницах «Учительской газеты» один заслуженный педагог делился с читателями своим искренним возмущением. «... Не понимаю я, как это накрашенная, нелепо завитая на маникюрная учительница смеет обличать в учениках ложь, обман, нечестность, если вся ее внешность - кричащая ложь, обман и нечестность?! Многие люди в наше время настолько привыкли к позорным заимствованиям от растленной западной буржуазии украшениям своей внешности, что считают их нормой, а «пуритан» вроде меня - чудаками, людьми музейными, а то просто выжившими из ума. Ложное понятие о внешней красоте внушается и детям»¹⁷¹. В подобных суждениях обнаруживается болезненное столкновение различных культур. Для появления этой проблемы необходим разрыв в некогда едином смысловом поле, вследствие чего индивиды теряют возможность релевантной интерпретации социальных фактов. В частном споре, поправшем на странице ведомственной газеты, отражался конфликт идентификаций, проявившийся в эпоху десталинизации в городском сообществе. Появление новых символов городского образа жизни затронуло и педагогическое сообщество. Критическое отношение опытного учителя к своим молодым коллегам говорит об идеализации предыдущей эпохи и социальной ностальгии. Между тем, культурные разрывы, проявившиеся в явном виде во время «оттепели» имели истоки

¹⁷¹ Основы советской культуры. Заметки старого учителя // «Учительская газета» 1962. 4 августа.

в позднесталинский период, культура которого не выглядит столь монолитной при ближайшем рассмотрении.

27 августа 1949 года в Молотовский¹⁷² областной отдел народного образования поступило письмо. Автор жаловался на одну школьную учительницу. «Она совершенно не считается с возможностями школы: по поступлению на работу заявила, что ей не нравятся кабинет, хотя комната отвечала всем требованиям ... потребовала другое помещение, предоставление которого было связано с ломкой всего педпроцесса ... Чаушиди могла сорвать экзамены по физике в 10 классе, т.к. из-за каприза не пожелала согласовать приложение к билетам с членами государственной экзаменационной комиссии. Завучем срыв урока был предотвращен». Искреннее возмущение непомерными претензиями новой учительницы сопровождалось и обвинениями в грубости по отношению к школьникам. «Обращение к учащимся со стороны Чаушиди небрежное, высокомерно-презрительное, за что учащиеся ее ненавидят. Очень груба в обращении с учащимися... не пускала на занятия в класс очень способного ученика, в результате чего он получил испытание на осень. На экзамене в 7 кл. «б» девочку Юшкову довела до состояния невменяемости. Только вмешательство администрации предотвратило несчастный случай»¹⁷³. Итак, автор письма постарался нарисовать образ учителя-самодура, который унижает учеников и неспособен выстроить деловые отношения с коллегами. Подобных педагогов, вероятно, можно встретить во все времена. Между тем, в этом письме интересны некоторые важные детали. Автор был явно информирован о подробностях ситуации в школе, при том, что сам был секретарем Кунгурского горкома ВКП(б). Обращение с темой школьных склок к областному начальству (копия письма была направлена в обком) на первый взгляд выглядит несколько странным. Тем более, непонятной является интерпретация причин конфликта в избыточно жестких терминах политического языка. Речь идет вовсе не о стандартных клише эпохи вроде «отсутствие самокритики», «нетактичное поведение» или «слабость политической работы». Обвинения звучали гораздо резче. «Этот стиль больше подходит для дореволюционного периода ... При

¹⁷² Город Пермь назывался Молотов с 1938 по 1957 гг. Оба переименования, конечно, имели политические основания.

¹⁷³ Сведения и докладные парторганов в обком ВКП(б) о работе школ и выспих учебных заведений за период 3.02.1950 – 8.12.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 169 Л. 18-21

известии о правительственном награждении учителей этой школы орденами и медалями Чаушиди заявила: «Мне Ваш орден не нужен... Характер Чаушиди сварливый, неуживчивый, она не хочет понимать, что мы живем в советское время и строим коммунизм. Идеологическое настроение нездоровое, и на все наши достижения в великой борьбе за коммунизм смотрит глазами с выражением скептицизма и презрением»¹⁷⁴. Зачем понадобилось учителю с трудным характером наделять чертами идеологического врага? Ответ на этот вопрос дает справка, предоставленная через год и четыре месяца тем же секретарем Кунгурского горкома. «Чаушиди Эльпиди, она же Надежда Георгиевна, с 1918 г., гречанка из Симферополя – во время оккупации работала переводчицей в гестапо. Сестра – Чаушиди Людмила Георгиевна работала у немцев при управлении железной дороги, зав. продскладом и была переводчицей. Сожительствовала с австрийским немцем – ушла с ним при отступлении. Вторая – Нина (настоящее – Кира) ... Мать – русская ... В 1944 спецпереселены в Молотовскую область»¹⁷⁵.

Для современного читателя это может показаться нонсенсом. Человеку, сотрудничавшему с оккупационным режимом, было доверено воспитание детей в советской школе. Похожую ситуацию можно обнаружить в известной экранизации повести Арнольда Негто «Остров великанов»¹⁷⁶. В этом шпионском детективе строгая учительница на поверку оказывается скрытым врагом, сотрудничавшим с фашистами. Схожесть, впрочем, не означает тождества. Герои романа выводят предателя на чистую воду, тогда как секретарь горкома и директор школы не могли не знать о политическом статусе учителя физики. Интересно, что за время, прошедшее с первого письма компрометирующая информация на педагога существенно изменилась. Так, в первом варианте вместо «переводчицы в гестапо» было указано «преподаватель физики Ремесленно-Швейного училища в Крыму». Информация о родственниках также вначале не оглашалась. Можно

¹⁷⁴ Сведения и докладные парторганов в обком ВКП(б) о работе школ и выспих учебных заведений за период 3.02.1950 – 8.12.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 169. Л. 20

¹⁷⁵ Там же, Л. 17

¹⁷⁶ Речь идет о кинофильме «Тени старого замка» 1966 г. реж. М.Муат, снятом по повести А.Негто «Остров великанов» опубликованной в 1960 г. ДетГИзом. На последней странице этого детектива автор указал, что текст написан в 1954-1958 гг.

предположить, что попытка избавиться от педагога затянулась, в связи с чем, автор стал прибегать к более жестким обвинениям в ее адрес.

Отрывочные упоминания в архивных делах о судьбе Э. Чаушиди свидетельствуют о том, что она обращала на себя внимание местных властей и раньше. За два года до этого фамилия педагога встречается в перечне лиц, обвиненных в ходе обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Клюевой и Роскина¹⁷⁷. Тогда в качестве места работы, а работала она в той же должности упоминается другой райцентр – Краснокамск. В указанном письме упоминается о Соликамске как прежнем месте работы. Если автор не перепутал названия двух городов, следует признать, что учительница успела за два года поработать в трех райцентрах, в каждом из которых от нее пытались избавиться.

С позиций идеологии человек, которому власть приписала уничижительный статус «специереселенца», вообще не мог и не должен был работать в школе. Высокое право учителя транслировать решения партии и правительства не могло осуществляться политически денонмированным человеком. Это становится особенно очевидно, если обратить внимание на сконструированный властью эталонный образ учителя¹⁷⁸. Идеальный педагог был человеком беззаветно преданным Родине. Уполномоченный властью, он отказался от частной жизни во имя светлой цели – коммунистического воспитания подрастающего поколения. Невольно возникает чувство, что высланная партийным руководителем справка писалась с негатива известной киноленты «Сельская учительница»¹⁷⁹. Служение народу было заменено сотрудничеством с немцами, мотивы самопожертвования – заслуженным спещоселением, патриотизм – преклонением перед Западом.

¹⁷⁷ Из информации секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по пропаганде П.Н. Ляшенко заместителю начальника управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) Н.М. Петову об обсуждении на собраниях партийного актива Молотовской городской партийной организации и парторганизации вузов закрытого письма ЦК ВКП(б) об антипатриотическом и антигосударственном поступке профессоров Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина // Политические репрессии в Прикамье 1918-1980 _ е гт. Сборник документов и материалов. Пермь. 2005. С. 479.

¹⁷⁸ Об эталонном образе советского педагога см.: Чашухин А.В. Эталонный образ учителя в советской школе в начале 1950-х гг. // Ученые записки гуманитарного факультета. № 8. 2004. Пермь, ПГТУ 2004. С. 193-199.

¹⁷⁹ Речь идет о вышедшем в прокат в 1948 г. кинофильме режиссера М. Донского «Сельская учительница».

Ситуацию можно было бы посчитать казусом, если бы не одно но. Архивные материалы говорят о том, что практика использования политически неблагонадежных была распространена. Спустя три года секретарь молотовского горкома Бобров сообщил о засоренности педагогических кадров чуждыми элементами. «... директором Бивашской семилетней школы Щ.Озерского района был выдвинут немец Газенфус, заучем Щ. Озерской средней школы бывший военнопленный Чеховский, заучем Чадской средней школы того же района – спещереселенка – немка Мовсенян ... Отделы народного образования до сих пор не приняли мер к замене большого количества учителей-спещереселенцев, работающих в школах. Многим из них доверено преподавание таких предметов, как история, литература, география, биология ит.д.»¹⁸⁰.

Социально-исторический анализ подобных явлений, демонстрирующих расхождение между сталинской идеологией и сложившимися практиками, не является новым в историографии. Обнаружение подобных фактов стало во многом питательной почвой для «ревизионистского» понимания сталинского режима¹⁸¹. Давний спор между представителями этого подхода и «тоталитарного» направления если не решен, то существенно ослаблен исследованиями последних десятилетий. Использование модели культурных разрывов и конвенций позволяет внести определенную лепту в преодолении идеологических упрощений двух упомянутых крайностей, по иному взглянуть на природу сталинского режима. Попытаемся продемонстрировать это на нашем примере.

Механизм культурного разрыва и конструирования конвенции возникает и осуществляется в контексте модернизационных процессов. Это методологическое основание, впрочем, не означает необходимости каждый раз обращаться к демонстрации большой теории. Инструментально посредством рассмотрения конвенций мы обнаруживаем возможность анализа конкретно-исторической ситуации в контексте большой теории. Не будет преувеличением сказать, что в

¹⁸⁰ Стенограмма областного совещания секретарей школьных организаций. Справки райкомов, горкомов партии, работников отдела по работе школ и др. вопросам за период 3.01.1953 – 2.09.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д.296. Л. 9-10

¹⁸¹ Речь идет о неоднородном направлении подвчергом критике «тоталитарную» модель понимания сталинизма. Одним из основателей этого направления в историографии считается Ш.Фитцаптрик.

советском социуме 1917 – 1950-х культурные разрывы, социальная дезорганизация и аномия были повсеместным явлением. Продуктивная историческая реконструкция, таким образом, подразумевает выявление динамики конфликтов, генезиса культурных разрывов, а, следовательно – и формирования новых конвенций. Послевоенная ситуация в этом смысле была очередным этапом социальной дезорганизации, демонстрирующей множество культурных разломов по разным основаниям. Наиболее очевидными из них были такие явления, как социальная травма войны, резкий рост населения ГУЛага, трансформация идеологии.

Конвенция предполагает определенные социальные связи, возникающие между носителями различных культурных кодов. В одних случаях это могут быть индивиды, которые в силу различных культурных традиций по-разному интерпретируют одни и те же символы, социальные факты, но в силу внешних по отношению к ним причин, вынуждены взаимодействовать друг с другом. В иных ситуациях противоречия и культурные разрывы могут проявляться и в жизненном мире индивида. В этом случае правомерно использовать такую терминологию, как социальная шизофрения или социальные шизопрактики¹⁸². По очевидным причинам человек, раздираемый противоречиями, не может заключить конвенцию с самим собой. Речь здесь идет о том, что участники конвенции могут сами «страдать» социальной шизофренией, что вносит дополнительную переменную в изучение взаимодействия между ними. Так, Э. Чаушиди в глазах конкретного человека, принимавшего решение о назначении ее должностью учителя физики, была одновременно и квалифицированным специалистом с высшим образованием и спецпереселенцем, предателем Родины. Секретарь кунгурского горкома, интерпретируя ситуацию, обращается к несвязанным системам аргументаций: профпригодности педагога и его политического статуса, который в конечном итоге становится определяющим в идентификации учителя.

¹⁸² Интересующихся читателей можно отослать к богатой социально-философской традиции неореализма и постструктурализма. Рассмотрение проблемы социальной шизофрении выходит за рамки этой статьи. Автор, надеется на то, что употребление терминов социальная шизофрения и шизопрактики контекстуально понятно. Речь идет о том, что индивид, интерпретируя социальные факты, может обратиться к противоречивым друг другу объяснительным схемам, которые рождены в различных культурных традициях. При этом, противоречивость и логическая «разорванность» суждений индивидом может не замечаться.

Между тем, было бы большим преувеличением считать квалификацию педагога незначительным фактором в глазах начальства. Учитель с высшим образованием, был редкостью не только для районного, но и для областного центра. Такие педагоги ценились и распределялись обычно для преподавания в старших классах, предназначенных для подготовки к вузу¹⁸³. Платность 9 и 10 классов, нищенские условия существования закрывали шанс поступления в вуз для большей части учеников¹⁸⁴, чьи родители были простыми рабочими или колхозниками. Из этого следует любопытный вывод. На уроке в советской школе «сотрудника гестапо» слушали преимущественно дети служащих и начальства районного уровня. Точнее, до поры до времени они слушали учителя физики с высшим образованием, характер и поведение которого заставил кунгурское начальство обратиться к политической идентификации педагога. Можно предположить, что о стигме спецпереселенца могли вспомнить только в том случае, когда в глазах начальства педагог не справлялся со своими служебными обязанностями. Иными словами – нарушал главное условие, во имя которого и закрывали глаза на его политическую неблагонадежность. В этом случае ярлык спецпереселенца становился главным аргументом для обоснования профессионального несоответствия. Желая избавиться от неугодного педагога, местные власти обращались к интерпретациям и символическому политическому дискурсу, который прежде ситуативно, но регулярно мог игнорироваться.

Таким образом, за разрывами между предписанными нормами и практиками назначения учителей обнаруживается определенная конвенция. Ее участники – представители органов управления образованием, в ведении которых находилась комплектация школ педагогическими кадрами. Напомним, назначение многих учителей (в

¹⁸³ В 1953 г. только 33 % педагогов г. Молотова имели высшее образование. При этом старшие классы на 87,4 % были укомплектованы именно этими преподавателями, в V-VII классах их доля снижалась до 37 %. В начальной школе учителя с вузовскими дипломами отсутствовали. См. Отчет ГорОНО о работе школ за 1953-54 учебный год. // ГАПК. Ф. р- 478. Оп.2. Д. 79. Л.218.

¹⁸⁴ Количество учеников старших 8-10 классов в сравнении с учащимися 5-7 классов в 1950-51 уч/году составляло 11,7%. В дальнейшем эта пропорция начинает резко меняться: 17,1% в 1951-52 уч/году и 22,7 в следующем. См.: ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2 Д. 78. Л.10В 1956 г. (после отмены платы за обучение) в школах г. Молотова училось 61,6% в старших классах в сравнении со «средним» званием. См.: ГАПО. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 81. Л.9

первую очередь историков) подразумевало согласование кадровых вопросов в партийных инстанциях. Директор школы, заведующий районо, завуч, некоторые учителя состояли в партии. Обсуждение школьных вопросов было тогда нередким на заседаниях райкомов и горкомов. Сложно предположить, что статус спецпереселенца у педагога стал неожиданностью для партийного руководящего Кунгура. В этой связи следует признать, что участниками конвенции были и работники горкома. Генезис любой конвенции подразумевает наличие вполне определенной проблемной ситуации. Как любой договор конвенции предметны. Иными словами, такой тип социальной связи возникает в культурно расколотом обществе в условиях возникновения реальной или воображаемой (а значит реальной) проблемы. Ситуация в системе образования чем-то напоминала кадровый вопрос в промышленности. Острая нехватка квалифицированных школьных педагогов заставляла до поры до времени закрывать глаза на политический статус учителя, осуществляя политически нелегитимные практики.

Применительно к описанной выше ситуации правомерно поставить вопрос о силе описанной конвенции. Являясь по определению вариантом слабого, ситуативно-предметного взаимодействия, конвенции, в определенные исторические отрезки могут порождать нормы, воспринимаемые участниками института как объективная реальность. В качестве примера можно привести неписанные коррупционные практики современных россиян, чьи представления о легитимном чрезвычайно дистанцированы от правовых норм. Представляется, что конвенция по отношению к учителям-спецпереселенцам была менее объективированной. Стигма спецпереселенца оказывалась неизменно сильнее ситуативных договоренностей. При первом несопадении ожиданий или изменении политического курса, ситуация начинала интерпретироваться не в терминах конвенции, а на языке доминирующей культуры.

Необходимость взаимодействия в рамках культурного разрыва означает, что заключение конвенции происходит в условиях социального конфликта. Если под этим термином понимать «всяческие структурно порожденные отношения противоречия между нормами и ожиданиями, институтами и группами»¹⁸⁵, нарушение культурного

¹⁸⁵ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 371.

единства будет обнаруживаться в ситуациях, демонстрирующих рассогласованность и противоречивость системы релевантности среди участников, различные интерпретации одного и того же события. Для исследователя это означает не только большую вероятность обнаружения необходимых источников. Участники в своем стремлении вернуться в некое исходное состояние переводят очевидные для них прежде вещи в рефлексивное поле, заметное для исследователя.

Подобный конфликт, демонстрирующий культурный разрыв и заключаемые конвенции разгорелся в 1949-1950 учебном году в школе № 50 г. Молотова. Его главными участниками были директор и новый учитель истории. Ссора вышла за пределы учебного заведения и стала предметом обсуждения различных партийных и административных инстанций. С января по июнь 1950 года разобраны в конфликте пыталась райком и районо, горком, горно и областной комитет партии. После того как отчаявшийся преподаватель стал писать письма в газету «Правда», горком под контролем областного партийного начальства организовал работу комиссии, изучившей ситуацию в школе¹⁸⁶.

Смысл этого конфликта становится понятнее в контексте событий, происходивших в г. Молотове. Первый месяц 1950 г. был особым в истории Прикамья. 13 января был снят первый секретарь Молотовского обкома К.М. Хмелевский¹⁸⁷. Кадровое решение центра, подкрепленное постановлением ЦК, на время приобрело характер политической кампании. Мобилизация партийных институтов проходила не только на областном, но и на районном уровне¹⁸⁸. Вслед за

¹⁸⁶ Эти материалы представляют собой многостраничные отчеты, в которых обнаруживается представление властных инстанций об этом конфликте. К официальным отчетам были приложены и протоколы опроса учителей школы № 50. Рукописный текст, многочисленные обороты разговорной речи, включающей в себя различные адаптированные к практике бюрократизмы, отсутствие политического языкового канона говорит о том, что протоколы избежали серьезной редакторской правки. Эти протоколы, в свою очередь, дают некоторые представления о жизненном мире педагогов, на глазах и при участии которых разворачивались события. См.: Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений – детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949-1950 учебный год // ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л.83-139

¹⁸⁷ См.: Лейбович. В городе М. М.: РОССПЭН, 2008

¹⁸⁸ При этом во время и после войны в отсутствии конкретной политической кампании реальная власть РК ВКП(б) была незначительной. Ярким свидетельством этого является оценка места райкома со стороны заместителя директора завода № 172: «Можете жаловаться, но райком Вам не поможет, так как райком ВКП(б) является культурно-

плenumом обкома, в городе были организованы многолюдные собрания партактивов. Так, на собрании Молотовской районной партийной организации 31 января присутствовало 649 человек. Для одного из районов областного центра это была огромная цифра.

Для людей, собравшихся на партактиве, снятие К.М.Хмелевского означало возможность критики близкого ему начальства. Для населения локальных рабочих поселков, которые административно обозначались «город Молотов»¹⁸⁹, таким начальством была дирекция завода. Содержание критики было различно. Для работников райкома появилась возможность выразить недовольство властью промышленных директоров. Для простых партийцев критика начальства внезапно обернулась темой социального неравенства. Между тем, критика заводской администрации очень быстро превратилась в критику начальства в целом.

На многолюдных собраниях были озвучены и близкие А.И.Новикову школьные сюжеты. «Директору школы № 59 пришелся не по душе один молодой учитель-фронтвик. Она и начала, собственно говоря, полнейшее гонение за молодым комсомольцем-учителем ... Дошла до таких слов, как «колхозник», «деревенщина» и т.д. Но разве так учил нас товарищ Сталин относиться к кадрам, что означает на большевистской терминологии слово колхозник»¹⁹⁰. В послевоенный период язык эпохи уже был во многом амбивалентным. Слово «колхозник» в локальном мире школы могло приобретать совсем иные смыслы, нежели в политическом дискурсе. Учтивывая, что «язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет ... необходимые объективации и устанавливает порядок»¹⁹¹, наделение одних и тех же слов противоположными значениями свидетельствует о

просветительской организацией и мы ему не подчиняемся // Мотовилихинский РК КПСС г. Перми. Протоколы пленумов № 5, №№2-5; активов № 5, № 1-4 // ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д.20. Л.187

¹⁸⁹ В социологическом смысле Молотов не представлял собой сложного городского пространства с развитой инфраструктурой и особым городским образом жизни. Административное обозначение г. Молотов применялось по отношению к изолированным, раскиданным на 70 км вдоль Камы микрорайонам, возникшим вокруг крупных промышленных предприятий.

¹⁹⁰ Мотовилихинский РК КПСС г. Перми. Протоколы пленумов № 5, №№2-5; активов № 5, № 1-4 // ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д.20. Л.122

¹⁹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. С.20

противоречивости жизненного мира носителей языка. В наиболее явном виде это можно наблюдать при сопоставлении эталонных профессиональных образов с низовыми практиками. При очевидном взаимном несовпадении идеальные образцы, тем не менее, могут быть значимыми ориентирами для индивидов в повседневной жизни. В этом случае можно говорить о совпадении ценностных ориентаций. В противном случае действия участников приобретают характер шизопрактик. «Вот на одном из собраний выступила учительница Осокина, т.е. моя жена в защиту молодого учителя с критикой директора школы. На следующий день директор школы Кузнецова со сжатыми кулаками бросилась на Осокину. И если не свершилась физическая расправа, то в этом повинны учителя Белова и Соколова. Они заплатились за свою защиту тем, что Кузнецова в пылу гнева покусала им пальцы рук»¹⁹². Закончилось или нет бурное недовольство директора именно таким образом, сейчас узнать невозможно. Между тем, в подобных явлениях обнаруживается определенная типичность. Директора заводов и школ, выполняя разные функции, управляли вверенными им людьми и хозяйством схожими методами. Речь идет о практиках, подразумевавших грубый, репрессивный стиль общения с подчиненными. С.А. Добырна также не раз обвиняли в формально-бюрократическом стиле работы и нетактичном поведении по отношению к подчиненным и ... работникам района¹⁹³. Подобные манеры управления вверенным коллективом периодически становились объектом критики, но продолжали еще долго существовать¹⁹⁴.

Итак, во время политической кампании, на фоне которой разворачивался конфликт между директором и учителем, происходила публичная, санкционированная сверху критика непосредственного начальства. Применительно к школе это выразилось к вербализации практик, основанных на чрезвычайно жесткой системе иерархии и подчинения. Это, пусть временно, но ставило легитимность власти директора под сомнение. Представляется, что такая атмосфера могла определенным образом повлиять на развитие внутришкольных событий.

¹⁹² Мотовилихинский РК КПСС г. Перми. Протоколы пленумов № 5, №№2-5; активов № 5, № 1-4 // ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д.20. Л.122-123

¹⁹³ Мотовилихинский РК КПСС г. Перми. Протоколы бюро №№ 38-51 и №№ 1-5 от 03.01.1950 – 26.05.1950 // ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д.21. Л.13

¹⁹⁴ По воспоминаниям одного пермского педагога, ее первый директор позволяла себе материться за закрытыми дверями кабинета и в начале 1960-х.

Добавим к этому, что на партактиве прозвучали слова защиты и в адрес обиженного учителя Новикова. «Или вот такой пример: на протяжении всего 1949 года в райком ВКП(б) поступали неоднократные сигналы о недостойном поведении директора школы № 50 т. Добырин, который допускает грубость и допускает ошибки в руководстве школой ... в январе 1950 г. вопрос был поставлен на бюро РК ВКП(б). Которое, надо сказать, глубоко не разобралось в этом вопросе и не дало правильной оценку, так как вновь имеются факты, подтверждающие, что положение в школе после бюро не изменилось»¹⁹⁵. Таким образом, в период политической кампании возмущенного учителя истории приобрели легитимный характер. Это выразилось не только в том, что такие как Новиков получали символическую поддержку со стороны других партийцев. Сама технология политической кампании подразумевала появление возможности использования политического дискурса для критики подчиненными своего начальства.

Появление такой возможности в обществе со сложившейся системой групповой солидарности означало бы возможность выражения «классовых» и «групповых» интересов. Этого, однако, не произошло. Как интерпретировали конфликт педагога школы? К недовольству А.И. Новикова большинство из них встало на сторону своего начальника. Одним из главных аргументов учительской критики стали мотивы личной заинтересованности со стороны коллеги. «Когда Новиков начал это дело, выступал, критиковал, люди думали, что он хочет улучшить дело, но с течением времени ... люди не дураки, видят, что от больших вопросов всей учебной работы, - он, Новиков перешел на какую-то мелкую мстительность, у него просто сквозит желание - поставить на своем, удовлетворить свое самолюбие, все тогда от Новикова отошли, но он, видимо, понять этого еще не понял ... Новиков выше всего ставит свое личное «я» - это я скажу ответственно».

К этому времени учитель истории почти уже два месяца был секретарем школьной партийной организации. В этой связи интересны представления коллег о том, чем должен заниматься человек этой должности. «А как секретарь парторганизации - ни разу не поинтересовался, почему у меня 5 неуспевающих, - нет, он неправильно делал, - не занимался успеваемостью». Секретарь парторганизации

¹⁹⁵ Мотовилихинский РК КПСС г. Перми. Протоколы пленумов № 5, №№2-5; активы № 5, № 1-4 // ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д.20. Л. 189

должен помогать в решении учебных вопросов, исправляя некоторые недоработки своих коллег. Вероятно, сам Новиков считал иначе, воспринимая свою должность в школе как более значимую, чем простого помощника.

«Новиков занялся сам и нам навязывал, выискиванием грязных дел среди технических, которые фактически уже не работают, он распотрошил все случаи с ними, которые могли и не быть»¹⁹⁶. Узнаваемый здесь образ следователя подразумевает претензии на символическую власть. «Да кто не знает характер Новикова? Все знают! Спросите, как кричали ему с мест на партсобрании, партактиве! А если спросить студентов, среди которых он учится заочно, - там прямо его сыщиком называют и говорят: «Опять он записывает?» Он ведь все записывает, - этим он в школе всех замучил, немудрено, что многие, боясь его, стараются, чтобы он не знал их выступлений, - «не развяжешься потом». Последняя фраза говорит о многом. Перед нами представление о непонятном и опасном представителе правоохранительных органов. Путем хитроумно заданных вопросов он способен доказать то чего нет, подвести под статью. Главным оружием для него являются блокнот и ручка. Основным методом - писать в вышестоящие инстанции, которые не замедлят вторгнуться в привычный маленький мир школы. Не нужно пояснять, что в послевоенном обществе с его прозрачными границами между лагерем и обычной жизнью, подобное поведение выглядело, по меньшей мере, опасным. «Я скажу одно только и вполне откровенно: большинство учителей боится А.И.Новикова, боится против него говорить, - он все переставит в их высказываниях, сделает к ним свои выводы, а кому нужно это? - каким он был, таким, видимо, и останется, трудно с ним».

Исполнение роли следователя выглядело в глазах учителей явной девиацией. В школьном пространстве этой функцией мог быть наделен только директор. Именно он был главным агентом, ответственным за коммуникации с институтами власти. Конструирование «второго» начальника, выстраивающего параллельные властные отношения внутри коллектива, добивающегося собственного

¹⁹⁶ Здесь и далее цитаты из протоколов опроса учителей комиссией горкома см.: Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений - детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949-1950 учебный год // ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 83-92.

права на общение с властью выглядело опасным. Этот образ был узнаваем. Хотел того Новиков или нет, но он воспользовался паттернами революционной культуры, приписав себе полномочия школьного комиссара. При этом наибольшее раздражение учителей вызывали методы презентации новой роли. «У него такое правило: взять одного из учителей, ходить с ним, что-то тихо говорить, писать потом все в записную книжку, - ну как все это надоело ... Коллективу учителей не нравится, что после какого-нибудь случая он обязательно возьмет кого-нибудь под руку и тайно начинает беседовать». Использование революционной традиции в послевоенную эпоху с ее жесткими социальными границами было опасно. Перенос революционной традиции в современность угрожал сложившимся внутри сообществ отношениям и связям. Областное начальство это хорошо знало. Ведь снятие первого секретаря обкома Хмелевского произошло при активном участии журналиста М. Данилкина, разоблачавшего с энтузиазмом «пламенного борца» в своих статьях и письмах в Москву нравы местного начальства¹⁹⁷. Перенос революционной риторики с проблем местного уровня на обобщения в масштабах страны уже означал инакомыслие. В этих условиях нелегитимное исполнение роли комиссара-следователя определяло и учительские реакции. Ответ на вызов Новикова строился по зеркальному принципу в терминах той же культуры и проявлялся в деноминации высокого звания работника следственных органов дореволюционным «сыщик», в принятии на себя роли невиновного подсудимого. «О посещении т. Прасса Новиков спросил меня тоном допроса. Я ему ничего особенного не рассказала».

Конструирование негатива предполагает конструирование противоположности. Естественно, если речь идет о паре, то позитивными характеристиками наделялся директор школы. Начнем с явного противопоставления. Если Новиков в глазах учителей преследует личные цели, то Добырин «... лично для себя не живет. Ходит в плохом пальто». Преподаватель недобросовестен в исполнении служебных обязанностей, директор «Весь отдался школе, все для нее. Любые дела он организует добросовестно». При этом выделить действительно профессиональные качества, подкрепляя их примерами, учителя

¹⁹⁷ В качестве примера можно привести историю журналиста М. Данилкина, выражавшего свою критику, на языке революционной культуры. См.: Лейбович О.Л. В городе М. М. - РОССПЭН: 2008.

затрудняются. Вместо этого перед нами возникает взаимно противопоставленная пара целостных образов, для которых семья неотделима от производственной и от партийной жизни. В своих характеристиках учителя неизменно обращаются к личной жизни. «Как человек он в быту имеет отрицательные стороны: /Сошлось даже и на выступления секретаря парторганизации Роно ... Вместе с женой изолировалась от отца и матери. Отец очень стар, получает 200 руб. пенсии, больной. Новиков им ничем не помогает, даже не угощает иногда; старушка - мать вынуждена идти на работу ... В быту Новиков живет отвратительно: отцу, матери, сестре не помогает. Сестра бросила учебу, пошла на работу. Отцу около 70 лет, он вынужден работать сторожем». Директор же не в пример своему подчиненному не только ходит в старом пальто, но и является примером в семейной жизни. «Ведь у него семья в 6 человек, - он удочерил племянницу». Нерасчлененный на профессиональные и личные составляющие положительный образ приобретает патерналистские черты. «Я доволен директором, как преподаватель физкультуры, он меня вырастил, пришел я к нему неопытный, он мне много помогал и помогает в работе. «Дай бог, чтобы в наших школах все директора так помогали правильно ставить физвоспитание в школе!».

Патерналистские практики по отношению к патрону предполагают символическую инфантилизацию педагогов. Учителя неопытны, их нужно «растить» и «помогать» им. «... наш директор горяч, но хороший, по своим деловым качествам, требовательный, а ведь учителя любят недоделывать. Нисколько мы не раскололись, не чувствуется этого, не ссоримся». Директор предстает в виде заботливого, но строгого отца, воспитывающего и направляющего на путь истинный педагогов. Его отсутствие вызывает страх. «Школа у нас большая, не будь твердых правил, - все бы пошло так себе, дети трудные; мне, например, страшно даже работать с другим директором ... С.А. чуток и нам, учителям, это я испытываю и сейчас: зная, что стара, плохо мое здоровье, не награждает лишними обязанностями».

Таким образом, локальный школьный конфликт спровоцировал создание группы, сконструировавшей общую позицию по отношению к виновникам происходящего. Интерес здесь вызывают способы интерпретации конфликта. Принятие Новиковым роли следователя или комиссара переводило его в глазах учителей в статус представителя внешнего и опасного мира. Ответом на это становится защитная

реакция, использующая готовые формы наличного знания. В школе происходит конструирование патерналистских образов и организации соответствующих практик. В локальном мире, оказавшимся перед угрозой раскола была заключена (или заново сконструирована) патерналистская конвенция¹⁹⁸. Добавим, что в аргументации педагогов, представителей властных инстанций практически не встречается тема профессиональных качеств педагога и директора. На основе этого и предыдущих исследований возьмем на себя смелость утверждать, что квалификация и профессионализм не являлись в то время главным значимым ориентиром в конструировании собственной идентичности. Институционально школьный мир, не имеющий четких границ, отделяющих его от иных институтов, наполнялся культурным содержанием, заимствованным из институтов власти или институтов, связанных с традиционалистскими практиками низовой культуры.

Конвенция внутри школы была не единственной, возникшей в ходе этого конфликта. Особый интерес здесь вызывает позиция начальства, представленного органами управления образованием, горкомом и обкомом. В процессе противостояния круг виновных для недовольного учителя расширялся. В его глазах заодно с директором школы сначала оказалась заведующая районо, а затем и руководство райкома. На последней стадии конфликта он уже пытался обвинять представителей городской и областной номенклатуры. К сожалению, мы не имеем под рукой тех писем и жалоб, которые отправлял недовольный учитель в различные властные инстанции. Между тем, цитирование высказываний Новикова в официальных документах говорит о том, что власти считали наиболее важным. Из этих материалов видно, что паттерны революционной культуры воспринимались как девиация не только школьным сообществом, но и представителями власти. «Пренебрежительно относился к тем организациям и органам, к которым обращался с жалобами, необоснованно обвиняя их в бездушном отношении к нему, признавал совещание в школе, в Райкоме ВКП(б) – своеобразными не официальными, оскорбительно отзывался об отдельных работниках (о 1-м секретаре РК ВКП(б) т. Павлюкевич, говоря «Гнилая позиция Павлюкевича», об отдельных действиях работников РК ВКП(б), как о действиях «зарвавшихся бюрократов», о работниках редакции «Звезда» - «мягко выражаясь – врете)». Таким

¹⁹⁸ О патернализме как явлении см.: Социология современного патернализма: монография / Н.В. Шушкова. – Вашингтон, РусГенпроект, 2010

образом, расширение круга обвиняемых шло по пути конструирования «заговора» в глазах педагога. Провоцирующим фактором здесь оказалась предпринятая в начале апреля попытка перевода Новикова в другую школу. Являлось ли это простым желанием районо разрядить обстановку или перевод был проявлением очевидными для Новикова причинами директора и его «сговором» с заведующей районо Дугиной, сказать сложно. Располагая только косвенными данными, можно обратить внимание на некоторые важные «мелочи». Районное, а потом и городское начальство управления образованием не смогло найти корректную формулировку для перевода, воспользовавшись фразой «по месту жительства»¹⁹⁹. Но, школа № 49, куда собирались перевести учителя, находилась в том же районе.

Между тем, непонятной становилась и судьба директора школы. До учителей дошли слухи о том, что Добырна будут снимать. Здесь наибольший интерес вызывают схемы действий, к которым обращаются учителя и их строптивый коллега. Преподаватели явно испугались остаться в школе наедине с Новиковым. «В это время подошел секретарь РК ВКП(б) т. Леденцов (?-А.Ч.) /он был на избирательном участке в школе/, мы его спросили о том, можно ли учителям что-нибудь сказать в защиту Добырны, чтобы оставить его, он посоветовал обжаловать. Тогда мы небольшой группой поехали к т. Прассу и т. Кондюриной ... Совет т. Прасса – поговорить с Добырном, высказать все, - мы выполнили». Правильный процессуальный ход подсказал учитель-коммунист Михайленко. «Перед совещанием накануне я был в школе, товарищи мне говорят, что они желают в горком написать письмо о том, чтобы Добырна оставить в школе на должности директора. А я сам посоветовал не писать, а вынести этот вопрос на обсуждение производственного совещания, выписки разослать по назначению». 26 мая совещание состоялось. Загадочным образом на нем отсутствовал главный обличитель директора. Версии причин этого расходятся. Новиков говорил о том, что его не поставили в известность, учительница Сергунина заявляла, что объявление висело в учительской. Как бы то ни было, личное присутствие Новикова для учителей, собравшихся ради того, чтобы вступить за директора было не нужно.

¹⁹⁹ Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений – детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949-1950 учебный год // ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л.112

Желая дискредитировать начальство и коллег, Новиков решается на беспрецедентный шаг. «А.И. похитил черновик у меня. Ему дала прочитать, а он его и бессовестно положил в карман. Черновик у него и сейчас / «Не для чего вам?»/, - жаловалась во время работы комиссии председатель школьного месткома Балуева. Кроме черновика в руках Новикова оказался и беловик протокола. В нем Новиков обнаруживает подлог. Учительница, которая вела протокол, собственное выступление приписывает другой учительнице. «Тов. Новиков не был на совещании, взял протокол его, нашел там факты обмана, фальши - сделал вывод, что (в беседе с комиссией) он прав, захватив документы МК, - т.к. «с преступниками поступать нужно по преступному»²⁰⁰. В развитии событий вновь обнаруживается столкновение двух систем интерпретации, обозначенных нами выше как «патернализм» и «революционная традиция». Если школьные педагоги обращаются с «челобитной», то Новиков пытается вывести «врагов» на чистую воду.

Как реагировало на эти действия начальство? Исполнение роли комиссара и здесь не осталось незамеченным представителями городской комиссии. В протоколе отчета красным карандашом была подчеркнута: «По замечаниям в его адрес, проявляет грубость (стучал кулаком, оскорблял директора школы Добырян - дурак, мошенник, хам и др., иронически относился к педколлективу, говоря - буду отвечать «как перед судом»)»²⁰¹. Очевидность культурного разрыва между позицией гонимого учителя и представителями властных инстанций еще не говорит о возникновении конвенции. На первый взгляд здесь видна попытка партийных работников установить нормативное поле для участников конфликта. В своих выводах комиссия «сортирует» действия учителя и директора на правильные и неправильные²⁰². При этом многие обвинения в адрес Новикова и Добыряна выглядят практически идентичными. Так, если учитель виновен в том, что первый «пренебрежительно относился к вышестоящим инстанциям», то второй - «обострял отношения с вышестоящими органами». Анализ претензий

²⁰⁰ Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений - детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949-1950 учебный год // ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 117

²⁰¹ Там же, Л. 116

²⁰² Там же, Л. 111 - 122

к участникам конфликта со стороны горкома позволяет сформулировать нормы «правильного поведения» учителей и администрации школ:

1. Не нарушать принципы субординации, институциональных полномочий (не относиться пренебрежительно к вышестоящим инстанциям, правильно реагировать на приказы директора, не проявлять инициативу педагогическим коллективам в кадровых вопросах назначения директора).
2. Быть исполнительными (выполнять решения РК ВКП(б) и органов управления образованием, вовремя сигнализировать наверх о школьных проблемах).
3. Правильно оформлять документы.
4. Не искать предвзятости в решениях начальства и правильно реагировать на критику.
5. Облекать свою требовательность в правильную форму

За этими нормами сложно увидеть что-либо, выходящее за рамки бюрократических требований. С этой точки зрения в глазах начальства все участники конфликта зашли «за флажки», но в разной степени. Наиболее девиантным здесь выглядел, конечно же, учитель истории. Ходатайство педагогов за своего директора были признаны «несвоевременными и ненужными». Действия же Добыряна являлись наиболее правильными: «осознал свои ошибки, самокритично отнесся к работе, исправился». Достойным восхищения выглядит формулировка, оправдывающая действия директора: «Форма его требовательности, связанная с проявлением раздражительности, вспыльчивости, служила поводом для учителей расценивать ее как выражение нетактичности, доходящей до грубости».

Можно ли трактовать обозначенное властью нормативное поле как некие условия конвенции? На первый взгляд бюрократические предписания сложно считать нормами описанных выше конвенциальных связей. Между тем, в определенных исторические отрезки конвенция может конструироваться в рамках формальных норм. Это происходит в том случае, когда участники конфликта используют их для достижения своих неформальных целей. В этом случае победу одерживает та сторона, которая успешнее может интерпретировать и переводить проблемную ситуацию на язык доминирующей культуры. При этом одним из решающих факторов становится наличие

Разрывы и конвенции поздней сталинской эпохи

Война и последовавшие за ней годы восстановления страны приучили провинциальных начальников к тому, что массовые репрессии ушли в прошлое. Руководители разных уровней почувствовали себя уверенно, их деятельность рутинизировалась. Установились «клановые» отношения в партийной номенклатуре. Начали налаживаться горизонтальные связи. И все это на фоне неустрашимых конфликтов.

Первый конфликт связан с развертывающейся модернизацией. Следует отметить одну особенность сталинской модернизации, которая даже может заставить усомниться: а модернизация ли это? Усиление промышленной сферы и рост городов происходит на фоне сдвига в сторону традиционных и даже архаичных форм в политической сфере и денежных отношениях, при отсутствии частной сферы, конкуренции и бизнес-инициативы снизу, преобладании общинных ценностей. Впрочем, сам по себе догоняющий характер советской модернизации предполагает наличие разрыва между традиционными и новыми индустриальными сферами отношений. «В развивающемся обществе сохраняются очаги отсталости, иной раз пространным неотделенные от его «продвинутых» секторов... в промышленности воспроизводятся и поддерживаются патриархальные отношения между начальством и подчиненными..., отбор чиновников на должности происходит не по профессиональным, но по клановым признакам»²⁰³. При этом не следует забывать, что инициатором и проводником модернизации является власть. Именно за ней закрепляется право вносить новое или использовать в своих интересах старое наследие прошлых культурных эпох. Сама власть в сталинскую эпоху поддерживает мифологический образ «врага - чужого», в качестве которого выступает вначале «вредитель», затем «иностранный шпион», а напоследок «космополит-еврей». Такой враг очень нужен власти, чтобы советский человек, уверенный, что живет в самой лучшей и прогрессивной стране мира, которую со всех сторон окружили враги - буржуазные страны, сумевшие заслать в СССР врага внутреннего, делал все для защиты своей родины - с энтузиазмом строил советскую промышленность. А еще советский человек должен был спокойно отнестись к возможной

определенных властных ресурсов, позволяющих легитимно обозначать свою позицию. Так, развитие упомянутого конфликта обнаруживает готовность со стороны местных властей прислушиваться и воспринимать различные точки зрения. Действия учителя истории, обладавшего символическим капиталом школьного педагога и секретаря первичной парторганизации, не оставались без ответа. Поступок школьных педагогов, обратившихся с «челобитной» к хозяину области подвергся критике, но преподавателей приняли и выслушали. Позиция директора школы № 49 Гачегова, угрожавшего своим уходом в случае перевода строптивого учителя к его школе не только не была подвергнута публичной критике, но и была использована в качестве аргументации заведующей горно.

Возникшая при этом конвенция между руководителями школы и местным начальством конструировалась по принципу «не выносить сор». Грубый стиль управления, бесцеремонность директора по отношению к подчиненным могли игнорироваться до тех пор, пока проблемы оставались внутри школы. Между тем, в условиях политических кампаний обнажались сложившиеся внутри школьных сообществ нормы и практики. Вступая в диссонанс с доминирующей культурой, эти практики временно теряли свою легитимность. Впрочем, игра по правилам политической кампании не могла продолжаться долго. В противном случае разоблачение «вотчин» и «гнезд» грозило стать неуправляемым для региональной номенклатуры. Вынужденная одновременно играть по правилам доминирующей культуры и поддерживать в целях самосохранения сложившиеся отношения, она училась отводить возможные опасности. На рубеже 1940-50-х «мирный» исход этого дела не был предопределен. Ждать, когда в Москве обратят внимание на человека, похожего на журналиста Данилкина, сыгравшего важную роль в отстранении бывшего первого секретаря обкома, Ф.М. Прасс и его окружение не хотели.

²⁰³ Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. С. 18.

современной отечественной истории позволит обнаружить в ней новые смыслы, или хотя бы снова задуматься над привычными дефинициями и школьными определениями. Как все получилось, решать читателям.

Олег Лейбович

Сведения об авторах

Андреева Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Пермского национального исследовательского политехнического университета

Бушмаков Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Вассерман Юрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета

Змеев Михаил Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры всеобщей истории Глазовского государственного педагогического института

Кимерлинг Анна Семеновна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИУ Высшая школа экономики

Лейбович Олег Леонидович - доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры, ведущий научный сотрудник НИУ Высшая школа экономики.

Смоляк Ольга Алексеевна - кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Суворова Анна Александровна - кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Титов Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное управление и история» Пермского национального исследовательского политехнического университета
Чашухин Александр Валерьевич - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИУ Высшая школа экономики

Шабалин Владислав Валерьевич - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИУ Высшая школа экономики

Шушкова Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ПФ НИУ Высшая школа экономики

Яковлева Валерия Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Подписано в печать 26.09.11. Бум. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 10,00. Тираж 500 экз. Заказ № 90

Отпечатано в типографии «Печатная студия «XXI век»
614010. г. Пермь, ул. Героев Хасана, 9, офис 4
Тел./факс 8(342) 244-25-05
Сот.: 8-9-222-405-888, 8-904-84-79-917
e-mail: studio21vek@yandex.ru

Содержание

Содержание	3
Введение (О.Л. Лейбович, А.В. Чашухин)	5
Валерия Яковлева	17
Разрывы и конвенции в школьной среде в начале XX века	
Михаил Змеев	36
Модернизация и медиализация: разрывы и конвенции в практиках аборта в России в начале XX в.	
Андрей Бушмаков	61
Лысьвенские события 1914 года: антимодернизационный взрыв на микроуровне	
Владислав Шабалин	88
«Как и полагалась жизнью района руководитель Круглов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.)	
Александр Чашухин	105
Оборотни с указкой: культурные разрывы и конвенции в сталинской школе рубежа 1940-50-х.	
Анна Кимерлинг	125
Разрывы и конвенции поздней сталинской эпохи	
Ольга Смоляк	138
«Абажур», «аборт», «абрикос»: репрезентации советской повседневности в книгах по домоводству	
Анна Суворова	185
Советское искусство как часть модернизационного процесса в СССР середины 1950-х-1970-х годов.	

УДК 316.7+94.47
ББК 71.1+63.3(2)

В книге рассматриваются культурные проблемы современного российского общества в контексте теории модернизации. Особое внимание уделено культурным основаниям социальных конфликтов в истории и современности. Сочетание исторического, социологического и антропологического подходов позволяет представить новое видение известных событий и ситуаций.

Книга адресована преподавателям, студентам и всем тем, кто интересуется отечественным прошлым и настоящим.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор О.Л. Лейбович
канд. ист. наук, доцент А.В. Чашухин
канд. культурологии, доцент О.А. Смоляк

Рецензенты:

Березина Е.М., к.филос.н., доц.
Кабацков А.Н., к.ист., доц.

ISBN 978-5-91201-084-2

Авторский знак: Раз17

© ФГБОУ ВПО
«Пермский государственный институт искусства и культуры».
Центр культурологических исследований

Staatliche Organe und die „Kulakenoperation“

Aleksandr Casčuchin

Mit der Umsetzung des Befehls № 00447 erhielten die NKVD-Organen außerordentliche Befugnisse. Die Zugehörigkeit zur Partei-, Sowjet- oder Wirtschaftsnomenklatura vermochte nicht mehr als Schutzbrief gegen den Terror zu dienen. Unter diesen Bedingungen erscheint die Besetzung der Trojka, des wichtigsten Straforgans, in vielerlei Hinsicht als Formsache. Der erste Sekretär des Gebietskomitees und der Gebietsstaatsanwalt wurden offensichtlich durch den Gebietsleiter des UNKVD in den Hintergrund gedrängt und spielten de facto die Rolle von gehorsamen Handlangern. Dennoch können die Terrormechanismen nur rekonstruiert werden, wenn die Durchführung der Operation auch vom Standpunkt der sowjetischen Strukturen außerhalb des NKVD betrachtet wird. Wie reagierten die offiziellen staatlichen Machtorgane auf die durchgeführte Kampagne? Welche Mechanismen entwickelten die Personen, die formal weiterhin Machtpositionen innehatten, doch faktisch von den politischen Ressourcen abgeschnitten waren, um sich der neuen Situation anzupassen? Es würde den Rahmen des vorliegenden Artikels sprengen, auf alle staatlichen Behörden einzugehen. Wir beschränken uns daher auf jene Institutionen, die unmittelbar an der Durchführung der „Kulakenoperation“ beteiligt waren. Dies war in erster Linie die Staatsanwaltschaft, deren Beteiligung an der Operation durch die Person des Gebietsstaatsanwalts im Befehl festgelegt war. Darüber hinaus war die Staatsanwaltschaft formal dazu verpflichtet, eine Aufsichtsfunktion gegenüber dem NKVD einzunehmen. Als Beispiel für Wirtschaftsorgane werden in diesem Artikel die sogenannten Abteilungen für Einstellungen und Entlassungen (*otdely najma i uvol'nenija, ONU*) in den Fabriken vorgestellt. Die ONU, die 1934 mit dem Ziel gegründet wurden, die Fabriken von sozial-fremden Elementen zu säubern, spielten bei der Durchführung des Massenterrors eine entscheidende Rolle. Außerdem wird in diesem Artikel auf die Sowjets und Wahlkommissionen eingegangen, denn diese erfüllten zum einen die für die Staatsmacht wichtige Funktion,